

Ия Тулина-Блюменталь
(Лодзинский университет)

Типология цитаты в романе Ю. Андруховича *Московиада*

Один день из жизни западноукраинского поэта, студента Литературного института Отто фон Ф. стал сюжетом романа Юрия Андруховича „Московиада“, который сам автор назвал „романом ужасов“. В течение одного дня (май, суббота, 1991 г. литературовед Екатерина Дайс предлагает даже конкретную дату 18 мая 1991 года, день, когда в Москве проходили мероприятия, связанные со II Славянским Собором) Отто фон Ф., долгим и сложным маршрутом путешествуя по Москве времен распада СССР, становится участником и свидетелем невероятных событий (импровизированный митинг и торжественная речь Отто в пивном баре на Фонвизина, теракт в диетической столовой, погоня за цыганским бароном в подвалах магазина Детский Мир, встреча с отрядом крысоловов-интернационалистов в московском метро, участие в съезде русских националистов). Все глубже опускаясь в подземелья Москвы, в конце своего опасного путешествия поэт расстреливает членов Тайного совета, случайным участником которого становится, а затем стреляет себе в голову из табельного оружия офицера КГБ. С пулей в голове на третьей полке жесткого вагона Отто фон Ф. покидает Москву и уезжает в Киев...

Опубликованный в 1993 году и переведенный на многие языки (в частности, на русский, польский, немецкий, английский, французский, венгерский, финский, шведский) роман „Московиада“ принадлежит перу одного из основателей литературно-поэтического объединения БуБаБу (от Бурлеск – Балаган – Буффонада) и наиболее „яркого украинского постмодерниста“ [Харчук 2008: 133] Юрия Андруховича. И хотя сам автор с таким определением не согласен и убийственно характеризует в эссе „Час і Місце, або Моя остання територія“ постмодернизм как „агностический, агонирующий, амбивалентный..., бесплодный..., сытый, ...стерильный, фейлетонный..., циничный...“, [Харчук 2008: 133], язык и стиль „Московиады“ ставит роман во главу посмодернистских текстов современной украинской литературы.

Недиалогичный, сотканный из вставных рассказов-монологов, интертекстуальный, полный стилистических контрастов текст „Московиады“ представляет собой интереснейшее поле для интерпретации и лингвистического анализа. В настоящей статье мы рассмотрим такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам, остановимся на цитировании и цитате, как основном элементе интертекстуального текстового поля романа Ю. Андруховича.

Явление текста в тексте было открыто еще М. М. Бахтиным и описано им в работах, посвященных диалогичности художественного текста. В русле идей Бахтина межтекстовые связи художественного произведения традиционно рассматриваются в стилистике и лингвистике текста в рамках проблем взаимодействия своей и чужой речи (цитат, аллюзий, реминисценций и т.п.). Французский литературовед Жерар Женетт предложил пятичленную классификацию разных типов текстов и на первом месте поставил интертекстуальность, как сопричастие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.). „Интертекстуальность является одной из возможностей создания нового текстового смысла, смысловой полифоничности текста и выражается широким спектром интертекстуальных референций – от имплицитных, скрытых в подтексте, до прямых отсылок (цитат), эксплицитированных в текстовой ткани” [Баженова 2003: 106]. Таким образом, цитата, являясь текстовой категорией, представляет собой одно из основных понятий теории интертекстуальности. Для лингвистического анализа „Московиады” мы будем использовать определение цитаты, предложенное Н. А. Фатеевой, где цитата это „...воспроизведение двух или более компонентов текста-донора с собственной предикацией” [Фатеева 2000: 122] Такое определение позволит нам отделить понятия цитата и аллюзия, где аллюзия только содержит элементы претекста по которым происходит их узнаваемость в тексте-реципиенте, предикация же осуществляется по-новому. По словам Смирнова, в случае цитации автор показывает общность „своего” и „чужого” текстов, а в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой „организовать” заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста.

Иными словами, цитату, выраженную одним компонентом в виде имени или слова-темы мы рассматриваем как аллюзию, не подвергая анализу в настоящей статье. В качестве примера цитаты-аллюзии можно привести имена любовников г-жи М.: Валериан, Освальд, Михайль. Это имена украинских поэтов расстрелянного возрождения 20-годов – основателя динамического конструктивизма Валериана Полищука, неоклассика Освальда Бурггарда и футуриста Михайла Семенко. ср: „Тому мене дратували ці її повсякденні мимовольні помилки, коли зненацька я повинен був відгукуватися на якого-небудь Валеріяна, Освальда чи взагалі Михайля”. Руслан, выпавший из окна герой-десантник-богатырь, ассоциируется с героем пушкинской поэмы „Руслан и Людмила”. Седьмой этаж, на котором живет поэт Отто фон Ф. в Литературном институте и который является наиболее привлекательным местом для блуждающих по ночам девушек свободного поведения припоминает песню Майка Науменко „Седьмое небо” и ресторан „Седьмое небо” на Останкинской телебашне (М. Науменко „Ты тянешь меня на седьмое небо, постой не сейчас, я был там не раз”), а нос главного героя в определенном моменте повествования ведет себя как гоголевский персонаж одноименной повести „Нос” ср: „Живеш

на сьомому поверсі...: Останкінської телевежі не бачиш..."; „А ніс, якого в тебе зазвичай немає, теж претендує на щось – вигострився й поблискує, розпромінюючи самозакоханість.”

Если мы (по словам Скоропановой) „рассыпем” текст „Московиады” на цитаты, а затем сгруппируем их по источнику заимствования, то будут это следующие источники: Библия (Псалмы и Новый Завет), высказывания классиков марксизма-ленинизма, партийно-пропагандистские лозунги, публицистические тексты, слова популярных (культовых) песен и филь-мов, мировая, а также украинская и русская классическая и советская литература. Ср: „Стукайте у двері, і відчиняйте нам. Бо хто стукає, тому відчиняють” (Евангелие от Матфея 7: 7); „Хай живе непорушна дружба між українським та російським народами!” (Пропагандистский лозунг); „Пити менше треба” (Слова из популярного советского телефильма „Ирония судьбы или с легким паром”); „...однак усьому доброму приходить колись хана, і ти Отто фон Ф., просто хребтом відчуваєш, що тріщать усі її шви” (Слова из монолога известного сатирика Геннадия Хазанова); „...чую як сивочубий сліпий бандурист гірко заривав та й заплакав” (Т. Шевченко „Мар’яна-черниця”); „Бо всі люди створені... для щастя, хоч розуміють його кожен по своєму” (В. Г. Короленко „Парадокс”) и т.д.

Если попробуем сгруппировать цитаты по степени их атрибутивности, то часть цитат можно будет отнести к группе цитат эксплицитных (с атрибуцией или без нее), а часть к группе имплицитных. К эксплицитным цитатам мы относим цитаты явные, легко узнаваемые читателем, заимствованные из текста-донора в неизменном виде или минимально измененном виде без изменения оригинальной предикации заимствованной цитаты. ср. „Безперечно, що тепер усі вони страждають і караються, але не каються, а навпаки жадають пива і видовищ”. (лат. „Pane e signisenses”, крылатые слова римского сатирика Ювенала); „- Слухай, фон Ф., труби горять, ходімо! – Труби зовуть – додає Ройтман”. (Песня „Путь далек у нас с тобою...” сл. М. Дудин, муз. В. Соловьев-Седой); „- У всякого своя доля, – зігхнув ти – і свій шлях широкий, – додав він”. (Т. Шевченко, „Сон”); „Зауважте: якщо ви мені не дасте його живим або мертвим, або і мертвим, і живим, і ненародженим, то з понеділка вся група... – на Карабах!” (Т. Шевченко, „І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні”); „- О мово рідна, що без тебе я?” (Ю. Андрухович заменяет в сонете Дмитра Павлычко существительное „слово” на „мова” и вопросительное местоимение „кто” на „що”. Однако известное хрестоматийное стихотворение однозначно воспринимается внимательным читателем как известные еще со школьной скамьи строки); „Він тут неподалік, під склом, живіший від живих”. (В. Маяковский „Владимир Ильич Ленин”) и т.д. Наравне с безатрибутивными эксплицитными высказываниями из текстов-доноров, автор использует цитаты с атрибуцией, т.е. цитаты в кавычках, с указанием автора, с метатекстовым комментарием. Первым

таким „чужим” текстом являється епіграф к роману „Московиада”: „Нехай і на сей раз вони в нас не вплюють нічого”.

Строки из поэмы украинского поэта Григория Чубая „Говорити, мовчати і говорити знову” не случайно оказались эпиграфом романа Андруховича. Причин выбора такого эпиграфа есть несколько, они глубоко связаны с сюжетом романа и с биографией самого автора „Московиады”. Мы обратим внимание только на несколько. Во-первых, Григорий Чубай учился на Высших литературных курсах в Москве, умер будучи студентом III курса, а во-вторых, именно в 1990 году во время обучения автора „Московиады” в Москве, на Украине была издана первая книга Григория Чубая. Это почти единственный раз, когда цитата атрибутирована именем и фамилией автора. (Исключение Андрухович делает для Виктора Неборака. ср. „...обов’язково приводить із собою яку-небудь сяйливо-ефектну довгастої форми даму, як каже Неборак, фурію зі струнними ногами”. (Строчки из стихотворения В. Неборака „Міський Бог Ерос”) Далее, приводя в тексте-рецепиенте эксплицитные цитаты с атрибуцией, автор использует чаще всего определения: как сказал поэт, говорят. ср. „...і як сказав поет, хоч би трішечки померти”. (Строки стихотворения И. Малковича „При цих деревах, в цім ладу”); „Травень, а так, понімаєте, холодно, як сказав поет”. (А. Ирванец „Травнева балада”); „Як кажуть, демократія прекрасна річ, але нічого гіршого людство вигадати не могло”. (Известные слова У. Черчилля. Андрухович, правда, заменяет слово „ліпшого” в оригинальной цитате на „гіршого”, однако цитата легко узнается и ассоциируется читателем с известным политиком и автором острых и точных цитат сэром У. Черчиллем). Иногда в качестве атрибуции при цитате появляются кавычки. ср. „Хороша танкова броня часів „усе для фронту і для перемоги”. (Лозунг провозглашенный И. В. Сталиным в самом начале Великой Отечественной войны). Отдельную группу эксплицитных цитат с атрибуцией составляют автоцитаты с атрибутивными компонентами: „вспомінаю из Андруховича” или „как удачно отметил Андрухович”. ср. „Згадується з Андруховича: „Я щодня тут їжджу попри в’язницю. Мене вчать любити всю цю країну”. (Ю. Андрухович цикл „Листи в Україну”, который является интегральной частью романа „Московиада”); „Однак свобода виглядає ілюзорно, як вдало відзначив в одному зі своїх віршів Андрухович! ...А жаль...” (Ю. Андрухович из цикла „Літографії старого Станіслава, Похорон гімназиста С. Гошовського. 1848”).

Имплицитная или скрытая цитация представлена в тексте „Московиады” цитатами, в которых чаще всего заимствованные элементы подвергаются языковой игре, что при яркости создаваемого нового образа меняет собственную предикацию цитаты. ср. „Потрапити до Москви, аби лишитися в ній навіки! Бути в ній похованою (кремованою!)” (Увидеть Париж и умереть! И. Эренбург); „Це дім, де розбиваються лоби” (Б. Шоу Дом, где разбиваются сердца); „За наше і ваше пиво!” (За нашу и вашу свободу!); „...дім – стара фортеця...” (Название книги В. Беляева старая крепость); „...що вірним шляхом кульгаєш, товаришу...” (Текст плаката, выпу-

щенного к XXII съезду КПСС); „І тому прагнеш бути холодним, залізним та раціональним“ (Ф. Дзержинский „Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками“); „Мое життя виявилося не таким уж й довгим, як пророкували мандрівні цигани і вчені астрологи...“ (Г. Г. Маркес „Сто лет одиночества“); „...як один із найбільших щурів, шуриний цар“ (Э. Т. Гофман „Щелкунчик и Мышиный король“). Степень имплицитной информации в используемых цитатах из текстов-доноров является понятием субъективным и зависит прежде всего от интерпретационных возможностей читателя, а также от подготовки читателя к восприятию данного текста.

Рассмотренные в настоящей статье текстовые единицы являются не только ведущим художественным приемом постмодернистских текстов или виртуозной „орнаментальной“ по словам Л. Стефанивской [Харчук 2008: 131] манерой автора романа „Московиада“. Анализируемые цитаты стимулируют „такие интертекстуальные экскурсы читателя-интерпретатора, которые при успешном их завершении приводят не просто к восстановлению целостности смысла, но и к его обогащению“ [Лукин 1999].

По словам Тимофея Гаврилова язык постмодерна это „не только инструмент повествования историй, а также способ и суть, объект постоянных авторских рефлексий [...], языковых игр, неоднозначностей, недосказаний [...], цитат и самоцитат. Постмодернист не только рассказчик, но и говорящий. Постмодернист обращает внимание на все, что амбивалентно и многозначно в языке [...]. Постмодернист сознательный игрок. Игра, которую он проводит – это игра в четыре руки“ [Гаврилів 2005: 185]. Чтение и лингвистический анализ текста Ю. Андруховича также происходит в четыре руки, в процессе постоянного взаимодействия и взаимопонимания автора и читателя, автора и лингвиста, автора и переводчика.

Библиография

- Андрухович Ю. [2006], *Московиада*, Івано-Франківськ.
- Дайс Е. [2005] *Я милого узнаю по походке: Юрий Андрухович. „Московиада“*, „Вестник Европы“, № 16, <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/16/da27.html>
- Баженова Е. А. [2003], *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва.
- Гаврилів Т. [2001], *Знаки часу. Спроба прочитання*, Івано-Франківськ.
- Лукин В. А. [1999], *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*, Москва.
- Смирнов И. П. [1995], *Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака)*, С.-Петербург.
- Скоропанова И. С. [2000], *Русская постмодернистская литература*, Москва
- Фатеева Н. А. [2006], *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*, Москва.
- Харчук Р. [2008], *Сучасна українська проза. Постмодерний період*, Київ.

Summary

Ija Tulina-Blumental

The typology of quotations used in the novel "The Mosковиada" by Y. Andrukhovych

The paper presents an analysis of quotations as one of the basic elements that occur in intertextual field of Y. Andrukhovych novel — “The Mosковиad”. Thanks to the numerous examples, the author shows the dialogical relations in which one text has got several concrete and evident references to the previous texts, identifying the source of borrowings and marking out the basic types of quotations according to their attributive degree.